

Вечно стоящее

Реальное сновидение

Почему, зачем, для чего, главное, где, главное, перед кем? Предложенные вопросы к тому, который будет читать; кому такое несчастье предстоит, ему и ответчу. Собственно, ответа нет. Такого не жди. Ничего не жди. Иного разъяснения дать не берусь, не смею...

Теперь про других, у которых глаза не на затылке, как у всех, а сбоку, где нос. Посмотрите и размыслите, иначе невозможно, иначе все, что предстоит: шипит, булькает. И все это наверху, в пространстве, в просторах черных и бесцветных...

Оно там и шагало, по необъятному, ничего не имея позади, впереди. В глубинах ни с чем не соизмеримого тела. Продолжало шагать и шагало...

Уже тогда, потеряв самое необходимое, что глотает, что поворачивается — шея, плечи и уши. Затем всевозможное другое: носоглотка и далеко торчащий нос, глазницы и глаза. Имеются данные, даже гремоновобия.

И все же оно ступало, иначе не могло. Продолжая крутить руками или другими равнодействующими сочленами. Вскоре, лет через пятьсот, рук тоже не стало.

Они превратились в щеки. И тут же окаменели.

Зато оставались ноги — два или три упора. Но и они стали затвердевать.

Сменилось тысячелетие...

И тогда окаменело многое другое — яйцо головы, горло, шея, наконец окаменело почти все. Что-то оставалось внутри. После чего окаменело все.

Не осталось и последнего. самого последнего. Наипоследнейшего, названного (всюду и везде) движением.

Вперед.

Назад.

Движение вбок.

Не двигалось ничего.

Кроме Ядликов, произносивших на окаменевшем затылке единственное доступное тем крошкам созвучие:

ЗРЯ И ЗРЮ

Пока эти пернатые гномики, карлики, навозные блохи не разложились. Там, в далеком необъятном просторе, далеком мужественном мужестве, оставив после себя тишину.

Та окаменелость, на которой они недавно суетились.

По мировому исчислению лет восемьсот назад, не более того.

Пролетали из других миров странные плоскости...

А она стояла, продолжала стоять в неподвижности.

Стоит и теперь — в темноте и тишине.

И будет стоять всегда, наверное вечно, утешая ангелов, раздражая Всевышнего,
АМИНЬ.

Ленинград

1932